

ЭМОЦИОНАЛЬНО-ОЦЕНОЧНАЯ ЛЕКСИКА В ПОЭЗИИ СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА: СОСТАВ, СЕМАНТИКА, ФУНКЦИИ

Каримходжаев Н. Ш.

доцент, заведующий кафедрой русского языка и литературы КГУ

Усенова Г. Ж.

магистрант 2 курса КГУ

gulzirausanova1624@gmail.com

Аннотация. В статье рассматриваются состав, семантика и функции эмоционально-оценочной лексики в поэзии Серебряного века. Показано, что данный тип лексики занимает центральное место в организации поэтического текста, формируя его смысловую и аксиологическую структуру. Анализируются особенности выражения предельных эмоциональных состояний, символических оппозиций и ценностных категорий в лирике ведущих поэтов эпохи (А. Блока, К. Бальмонта, О. Мандельштама). Делается вывод о том, что эмоционально-оценочная лексика выступает важным средством репрезентации как индивидуально-авторского мировосприятия, так и общекультурных тенденций Серебряного века.

Ключевые слова: эмоционально-оценочная лексика; Серебряный век; аксиологическая семантика; символизм; поэтический язык; образная система.

Поэзия Серебряного века представляет для исследования эмоционально-оценочной лексики особенно показательную зону, поскольку именно в этом художественном контексте слово последовательно освобождается от роли нейтрального номинативного знака и включается в систему повышенно напряжённых смыслов. Для поэтического языка рубежа XIX–XX веков существенны символизация, усиление субъективного начала, тяготение к духовно-ценностной проблематике, контрастность образных рядов и эстетизация переживания; все эти черты прямо влияют на состав и функции эмоционально-оценочного словаря.

В пределах Серебряного века эмоционально-оценочная лексика не образует периферийный слой текста. Напротив, она оказывается одним из ведущих механизмов организации поэтической речи. Это связано с тем, что для символистской, акмеистической и во многом постсимволистской лирики характерно стремление передать не только предмет, но и его аксиологический ореол, не только состояние, но и его внутреннюю значимость для лирического субъекта.

Если обратиться к составу эмоционально-оценочной лексики в текстах поэтов Серебряного века, прежде всего обнаруживается высокая частотность слов,

связанных с переживаниями предельной интенсивности. Для этой поэтической эпохи характерна не умеренная, а обострённая эмоциональность. Поэтому в лирике разных авторов регулярно активизируются лексемы и словоупотребления, соотносимые с восторгом, тревогой, тоской, ожиданием, страхом, экстатическим подъемом, внутренним надломом, трагическим предчувствием. Это не означает однообразия поэтического словаря; напротив, сами типы переживания варьируются, но их повышенная смысловая значимость остаётся общей чертой эпохи. Как указывают исследователи в символистском письме сильнее выражены мистериальные, апокалиптические и экстатические регистры, в акмеистической и близкой к ней поэтике чаще наблюдается сосредоточенная, предметно конкретизированная эмоциональность, однако в обоих случаях переживание не растворяется в описании, а становится организующим центром высказывания [5].

Заметное место занимает положительно и отрицательно маркированная оценочная лексика. При этом оценка в поэзии Серебряного века редко носит бытовой или чисто рациональный характер. Она тяготеет к предельным аксиологическим полюсам и часто соотносится с оппозициями метафизического порядка. Поэтический словарь эпохи обнаруживает устойчивое стремление распределять явления мира по шкалам «высокое низкое», «свет тьма», «сакральное профанное», «духовное земное», «прозрение ослепление». Подобные оппозиции поддерживаются не только отдельными прилагательными или существительными с явной оценочной семантикой, но и всей системой повторяющихся образов, где оценка закрепляется за мотивом, символом, цветовой или пространственной доминантой [4].

Именно поэтому в составе эмоционально-оценочной лексики Серебряного века существенны не только слова с очевидной эмоциональной окраской, но и лексемы, которые становятся носителями оценки благодаря включенности в устойчивый ценностный контекст. Световая образность здесь показательна. Номинации света, сияния, огня, зари, луча, звезды или солнца в пределах многих поэтических систем начала XX века функционируют не как нейтральные обозначения природных явлений, а как лексемы с выраженным аксиологическим избытком. Они ассоциируются с прозрением, откровением, очищением, высотой, иной реальностью. Обратный полюс формируют номинации тьмы, сумрака, ночи, бездны, мрака, пепла, холода, которые могут маркировать не просто отсутствие света, а состояние отчуждения, духовного распада, гибельности или онтологической тревоги [4].

Данные положения подтверждаются конкретным поэтическим материалом. Так, в стихотворении А. А. Блока «Незнакомка» уже начальный городской фон строится на сочетаниях «дик и глух», «тлетворный дух». Здесь эмоционально-оценочную

функцию выполняют прежде всего качественные прилагательные и эпитетная характеристика атмосферы. Слова «дик», «глух», «тлетворный» относятся к эксплицитно отрицательному оценочному регистру: они не просто описывают пространство, а маркируют его как духовно сниженное, хаотичное, зараженное распадом. Тем самым лексика формирует исходную тональность стихотворения и одновременно подготавливает аксиологическое противопоставление пошлого, земного мира и иной, почти сакрализованной сферы, с которой будет соотнесен образ Незнакомки:

По вечерам над ресторанами

Горячий воздух дик и глух,

И правит окриками пьяными

Весенний и тлетворный дух. [Блок А. А. «Незнакомка»].

Не менее показательным, что в поэзии Серебряного века эмоционально-оценочная семантика часто раскрывается через вертикально организованный образный ряд. У К. Д. Бальмонта в стихотворении «Я мечтою ловил уходящие тени...» движение от формулы «уходящие тени» к характеристике «тем светлее сверкали» строит смысловую динамику восхождения. Слово «тени» в данном контексте связано с уходом, угасанием, неустойчивостью; напротив, формы «светлее» и «сверкали» несут явно положительный, мелиоративный знак. Оценочность здесь возникает не как изолированная словарная помета, а как результат движения от сумеречного и неясного к световому и высотному. В результате эмоционально-оценочная лексика становится средством репрезентации не только переживания, но и ценностной вертикали, где подъем мыслится как приближение к смысловой полноте:

Чем я выше всходил, тем светлее сверкали,

Тем светлее сверкали выси дремлющих гор,

И сияньем прощальным как будто ласкали,

Словно нежно ласкали туманенный взор. [Бальмонт К. Д. «Я мечтою ловил уходящие тени ...»].

У О. Э. Мандельштама эмоционально-оценочная лексика часто приобретает отвлеченно-онтологический характер. В стихотворении «Silentium» особенно значимы слова «ненарушаемая связь» и формула «безумный, светел день». Выражение «ненарушаемая связь» несет явно положительный аксиологический смысл: оно обозначает гармоническое единство слова, музыки и бытия. Однако оценочный строй текста не сводится к простой мелиорации, поскольку прилагательное «безумный» осложняет восприятие образа дня, вводя оттенок предельности, почти опасной интенсивности. В результате эмоционально-оценочный словарь работает здесь как средство не бытовой эмоции, а философски насыщенного переживания мира, где красота, целостность и тревога сосуществуют

в одном контексте. Такой пример особенно важен для характеристики семантики Серебряного века, поскольку показывает соединение сакрального, эстетического и онтологического планов в пределах одной лексической конструкции.

«Она еще не родилась,

Она и музыка и слово,

И потому всего живого

Ненарушаемая связь» [Мандельштам О. Э. «Silentium»].

Если рассматривать внутри общего поля несколько авторских систем, достаточно отчетливо проступают как общие тенденции эпохи, так и различия. Общим является тяготение к предельным эмоциональным состояниям, к символически нагруженной оценке, к повышенной роли контекста в формировании значения. Различия касаются способа организации этого материала. В одной поэтической системе эмоционально-оценочный словарь строится на масштабных символических оппозициях и мистериальной напряженности, в другой — на предметной точности и внутренне сжатом переживании, в третьей — на импульсивной динамике, резком смещении регистров, почти взрывной интенсивности слова. Отсюда следует, что говорить о «единой эмоциональности» Серебряного века было бы неточно; корректнее видеть в ней общий тип повышено значимой эмоционально-аксиологической речи, реализуемый у разных поэтов через различные словарные и контекстуальные механизмы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кошелева А. Л. Поэзия «Серебряного века». Пособие для учителей-словесников и студентов-филологов по русской литературе 1-ой половины XX века. Абакан, 1995.;].
2. Лотман Ю. М. Структура художественного текста. М.: Искусство, 1970.
3. Лотман Ю. М. Анализ поэтического текста. Структура стиха. Л.: Просвещение, 1972.
4. Осипова Н. О. Световая парадигма в русской культуре серебряного века Modernités russes. 2007.
5. Петрык Я. Ю. Русский символизм Серебряного века: философская лирика как эстетическая проблема. Манускрипт. 2021. Т. 14. Вып. 2.